

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 83–87.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 83–87.

Научная статья
УДК 322
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.009

**СООТНОШЕНИЕ РЕЛИГИИ И ВЛАСТИ В ИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ:
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАДИКАЛИЗМА**

Мальсагов Руслан Ахметович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
RuslanMalsag@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0984-9631>

Аннотация. Цель статьи – выявление роли единства религиозного и политического в исламской традиции как эпистемологического основания формирования фундаменталистских доктрин. Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного анализа внутренних оснований исламского фундаментализма, которые не сводятся исключительно к социально-экономическим и политическим факторам. Особое значение приобретает изучение специфики исламской традиции как целостной системы, в рамках которой религиозное и политическое изначально не разграничиваются. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-исторический, системный и структурно-функциональный подходы. В качестве источников используются труды классической и современной исламской и западной политической мысли, посвященные проблемам шариата, исламского права и политической теории. Особое внимание уделяется работам, раскрывающим специфику исламского понимания социальной и политической реальности. В результате исследования установлено, что в исламской традиции отсутствует категория автономного политического, а социальный порядок формируется в рамках единой религиозно-нормативной системы. Показано, что данная установка имеет не только институциональный, но и эпистемологический характер, определяя структуру политического мышления. Обосновано, что отсутствие концепции секулярного предопределяет специфику взаимодействия религии и политики. Выявлено, что фундаментализм представляет собой реакцию на эпистемологический разрыв, вызванный модернизацией. Сделан вывод о том, что фундаментализм выступает формой воспроизводства традиционной модели в новых исторических условиях.

Ключевые слова: асабия, исламская традиция, легитимация, нормативная интеграция, политическая мысль, религиозно-нормативный дискурс, секуляризация, фундаментализм, шариат, эпистемология

Для цитирования: Мальсагов Р. А. Соотношение религии и власти в исламской традиции: эпистемологические основания радикализма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 83–87. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.009>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE RELATIONSHIP BETWEEN RELIGION AND POLITICAL AUTHORITY
IN THE ISLAMIC TRADITION: EPISTEMOLOGICAL FOUNDATIONS OF RADICALISM**

Ruslan A. Malsagov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
RuslanMalsag@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0984-9631>

Abstract. The aim of the article is to identify the role of the unity of the religious and the political in the Islamic tradition as an epistemological foundation for the formation of fundamentalist doctrines. The methodological framework of the study includes comparative-historical, systemic, and structural-functional approaches. The sources comprise works of classical and contemporary Islamic and Western political thought addressing the issues of Sharia, Islamic law, and political theory. Particular attention is paid to studies that reveal the specificity of the Islamic understanding of social and political reality. The study demonstrates that the Islamic tradition lacks the category of an autonomous political sphere,

while the social order is formed within a unified religious-normative system. It is shown that this framework has not only an institutional but also an epistemological character, shaping the structure of political thought. It is argued that the absence of a concept of the secular predetermines the specificity of the interaction between religion and politics. It is established that fundamentalism represents a reaction to an epistemological rupture caused by modernization. The article concludes that fundamentalism functions as a form of reproduction of the traditional model under new historical conditions.

Keywords: asabiyya, Islamic tradition, legitimation, normative integration, political thought, religious-normative discourse, secularization, fundamentalism, Sharia, epistemology

For citation: Malsagov R. A. The Relationship Between Religion and Political Authority in the Islamic Tradition: Epistemological Foundations of Radicalism. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 83–87. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.009> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Проблема исламского фундаментализма занимает значительное место в современной политической науке. Наиболее распространенные подходы связывают его возникновение с социально-экономическими кризисами, последствиями колониального господства, а также с процессами модернизации и глобализации [см.: 10, с. 5–19; 13, с. 3–12]. Однако подобные интерпретации, несмотря на их объяснительный потенциал, не в полной мере раскрывают внутренние основания устойчивости фундаменталистских установок.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного числа исследований, посвященных как исламской политической мысли, так и феномену фундаментализма. В зарубежной науке преобладают подходы, акцентирующие внимание на политических и социокультурных факторах [8; 10; 13], а также на правовой и теоретической специфике исламской традиции [9; 11]. В отечественной литературе проблема рассматривается в контексте взаимодействия ислама и политики, особенностей мусульманского права и трансформации исламского общества [3–6]. Вместе с тем эпистемологические основания неразделимости религиозного и политического в исламской традиции как фактор формирования фундаментализма оставляют пространство для дальнейших исследований.

В этой связи представляется методологически оправданным обращение к структуре исламской традиции как целостной системе представлений о мире, обществе и власти. В отличие от западного пути, в рамках которого в ходе исторического развития произошло концептуальное и институциональное отделение политики от религии, исламская мысль формировалась в условиях их нормативной интеграции [8, с. 6–11].

Данное обстоятельство предопределяет особый тип политического мышления, в рамках которого политическое не выделяется в самостоятельную сферу, а рассматривается как производное от религиозно-нормативного порядка. В этом смысле речь идет не только об институциональной особенности, но о специфическом способе конструирования социальной реальности.

Целью настоящего исследования является анализ неразделимости религиозного и политического в исламской традиции как эпистемологического основания фундаментализма. Научная новизна заключается в интерпретации данной неразрывности как принципа организации знания, определяющего границы допустимого политического мышления и формы реакции на модернизационные вызовы.

Основная часть

Отсутствие категории автономного политического. Одной из ключевых характеристик исламской традиции является отсутствие категории автономного политического. В исламском мировоззрении общественная жизнь рассматривается как гармоничное целое, подчиненное божественному закону – шариату, который охватывает все сферы человеческой деятельности [9, с. 2–6].

Шариат выступает не только как система правовых норм, но и как универсальный нормативный порядок, регулирующий поведение индивидов и функционирование социальных институтов. Он включает в себя как юридические, так и морально-этические предписания, тем самым формируя целостную модель общественного устройства. В этом контексте важно подчеркнуть, что нормы шариата не ограничиваются сферой частной религиозности, а распространяются на все формы социальной активности, включая управление, экономику, благотворительность и т. д.

В этой связи политическое не формирует самостоятельной сферы. Оно не обладает автономной системой легитимации и не вырабатывает собственных нормативных оснований, а оказывается встроенным в религиозно-нормативную структуру. Как показывает Дж. Эспозито, ислам не проводит принципиального разграничения между религиозной и политической сферами, рассматривая их как взаимосвязанные элементы единого общественного порядка [8, с. 6–11].

Отсутствие автономии политического означает, что любые формы политической деятельности неизбежно оцениваются через призму религиозных норм. Это, в свою очередь, ограничивает возможность формирования светской политической теории в классическом западном понимании и предопределяет нормативную зависимость политики.

Нормативная интеграция как принцип социальной организации

Неразделимость религиозного и политического в исламской традиции реализуется через механизм нормативной интеграции, при котором различные сферы общественной жизни не противопоставляются, а объединяются в рамках единого регулятивного порядка. В. Халлак описывает, что исламское право формировалось как комплексная система, не предполагающая разделения на «религиозное» и «светское» [9, с. 2–6]. При этом принципиально важно, что нормативная интеграция не сводится к «влиянию религии на политику». Речь идет о более глубоком феномене – отсутствии самой возможности их концептуального разделения. Политическое действие не рассматривается как автономное, а изначально воспринимается как часть религиозно-нормативного порядка. В результате социальная реальность в исламской традиции конструируется через систему религиозных норм, которые задают не только правовые, но и когнитивные рамки восприятия общества. Это означает, что сама структура мышления оказывается изначально интегративной, а не дифференцированной.

Важное значение для понимания рассматриваемой проблемы имеет отсутствие в классической исламской традиции категории секулярного как самостоятельного концепта, в отличие от истории европейской мысли, где в ходе длительного процесса секуляризации формируется представление о светской сфере как автономной области общественной жизни [11, с. 2–5]. Это означает, что противопоставление «религиозного» и «светского» не является внутренне присущим исламской традиции, а представляет собой результат внешнего концептуального заимствования. Как отмечает Б. Льюис, язык исламской политической традиции не содержит категорий, в полной мере соответствующих западному понятию секулярного, что отражает специфику исламского видения общественного устройства [11, с. 2–5]. Это свидетельствует о том, что сама идея автономного политического пространства является для данной традиции концептуально чуждой.

Существенный вклад в понимание вопроса вносит социально-философская концепция Ибн Хальдуна. В его теории общество предстает в виде целостной системы, основанной на взаимодействии социальных, политических и религиозных факторов.

Ибн Хальдун вводит понятие асабии (социальной сплоченности), которая выступает основой политической власти. При этом религия усиливает асабию, придавая ей устойчивость и легитимность [12, с. 87–93]. Тем самым религиозное и политическое оказываются гармоничными элементами единой социальной структуры. В его модели религия не противопоставляется политике – они предстают частями одного механизма функционирования общества. Это еще раз подтверждает тезис об отсутствии концептуального разделения сфер и о целостном характере исламского социально-религиозного мышления.

Эпистемологические основания неразделимости

Слияние религиозного и политического в исламской традиции имеет эпистемологическое измерение, связанное со способом организации знания. В рамках данной традиции знание о мире формируется на основе откровения, которое выступает высшим источником истины. Это предопределяет отмеченный целостный характер исламского мышления, в котором различные аспекты социальной реальности не разделяются на автономные области. Как отмечает Дж. Эспозито, исламская мысль стремится к интеграции различных сфер человеческого опыта в рамках единой религиозной картины мира [8, с. 11]. Поэтому политическое знание не приобретает самостоятельного статуса, а остается встроенным в религиозно-нормативный дискурс. Это означает, что сама возможность формирования светской политической теории оказывается ограниченной не только институционально, но и когнитивно.

Таким образом, единство религиозного и политического выступает как принцип организации знания, задающий рамки интерпретации. В истории европейской мысли, начиная с эпохи Реформации и Просвещения, происходит уже упомянутая постепенная автономизация политической сферы от религиозной [2]. В рамках такой модели политика приобретает собственные принципы легитимации, не сводимые к религиозной норме. Это приводит к формированию секулярного государства и развитию светской политической теории. В исламской же традиции

аналогичный процесс, не получив завершеного выражения, обусловил сохранение нормативной интеграции сфер. Данное различие носит не только институциональный, но и эпистемологический характер, отражая различные способы организации знания и понимания социальной реальности.

Фундаментализм как реакция на когнитивный разрыв

В условиях модернизации исламский мир сталкивается с распространением секулярных моделей, предполагающих разделение религии и политики. Данная модель вступает в противоречие с традиционной установкой нормативной интеграции, что приводит к возникновению когнитивного разрыва.

В качестве реакции на этот разрыв можно интерпретировать исламский фундаментализм, представляющий собой попытку восстановить целостность мусульманского мировоззрения, решительно отвергая идею автономии политического. Как подчеркивает Г. Кепель, фундаменталистские движения стремятся вернуть ислам к состоянию нормативной полноты, разрушенной модернизацией [10, с. 23–27]. О. Руа видит фундаментализм продуктом современности, формирующимся в условиях глобализации и политической мобилизации [см.: 13, с. 3–12], и этот феномен, сочетая элементы традиции и современности, выступает формой идеологической реконструкции.

С политологической точки зрения фундаментализм следует рассматривать как форму отрицания автономии политического, при которой религиозная норма вновь утверждается в качестве универсального принципа организации общества.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что неразделимость религиозного и политического является фундаментальной характеристикой исламской традиции, имеющей не только институциональное, но и эпистемологическое значение. Отсутствие категории автономного политического предопределяет специфику исламского понимания социальной реальности, в рамках которого политическая сфера не формируется как самостоятельная область, а изначально включается в религиозно-нормативный порядок. Это, в свою очередь, ограничивает возможности секулярного разграничения сфер и обуславливает особую структуру политического мышления, в которой нормативные основания власти выводятся из религиозных источников.

Установлено, что принцип нормативной интеграции выступает ключевым механизмом организации социальной и политической жизни в исламской традиции. В отличие от западной модели, основанной на дифференциации сфер и институционализации автономии политического, исламская традиция формирует целостную систему, в которой право, мораль и политика функционируют в рамках единого регулятивного пространства.

Показано, как противопоставление сфер религиозного и политического оказывается внешним по отношению к исламской традиции и связано с воздействием модернизационных процессов. Это различие между исламской и западной моделями носит системный характер и отражает различные типы организации знания и социальной реальности.

Обосновано, что единство религиозного и политического в исламской традиции следует рассматривать не только как исторически сложившуюся институциональную форму, но и как эпистемологический принцип, определяющий границы допустимого политического мышления. В этом смысле речь идет не просто о специфике политико-правовых институтов, а о более глубоком уровне – структуре знания, в рамках которой политическое не может быть помыслено вне религиозного контекста. Это позволяет рассматривать исламскую политическую мысль как альтернативный тип политической рациональности, отличающийся от западной традиции.

В условиях модернизации и распространения секулярных моделей данная эпистемологическая установка подвергается трансформации, что приводит к возникновению когнитивного разрыва между традиционной системой представлений и новыми формами политической организации. Показано, что исламский фундаментализм может быть интерпретирован как реакция на данный разрыв, направленная на восстановление утраченной целостности нормативного порядка. В этом контексте фундаментализм выступает не как простое возвращение к традиции, а как ее переосмысление в новых исторических условиях.

Установлено, что фундаменталистские доктрины представляют собой форму селективной реконструкции традиции, в рамках которой усиливается акцент на нормативной интеграции и отрицается возможность автономии политического. Это позволяет рассматривать фундаментализм как специфическую стратегию адаптации исламской традиции к условиям модернизации, сочетающую элементы консервации и трансформации.

Тем самым фундаментализм выступает не как отклонение от исламской традиции, а как одна из форм ее воспроизводства, обусловленная столкновением различных эпистемологических моделей. В более широком теоретическом контексте это позволяет сделать вывод

о том, что различия между исламской и западной политической традицией носят не только историко-культурный, но и фундаментально когнитивный характер, что имеет принципиальное значение для анализа современных политических процессов в мусульманском мире.

Список источников

1. Васильев, А. М. История Востока / А. М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1998. – 495 с.
2. Гаджиев, К. С. Политология / К. С. Гаджиев. – Москва : Логос, 2015. – 467 с.
3. Игнатенко, А. А. Ислам и политика / А. А. Игнатенко. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 304 с.
4. Малащенко, А. В. Ислам для России / А. В. Малащенко. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 192 с.
5. Наумкин, В. В. Ислам и мусульмане / В. В. Наумкин. – Москва : Наука, 2009. – 312 с.
6. Сюкияйнен, Л. Р. Мусульманское право / Л. Р. Сюкияйнен. – Москва : Наука, 1986. – 256 с.
7. Crone, P. *God's Rule: Government and Islam* / P. Crone. – New York : Columbia University Press, 2004. – 447 p.
8. Esposito, J. L. *Islam and Politics* / J. L. Esposito. – Syracuse : Syracuse University Press, 1984. – 416 p.
9. Hallaq, W. B. *Shari'a: Theory, Practice, Transformations* / W. B. Hallaq. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 614 p.
10. Kepel, G. *Jihad: The Trail of Political Islam* / G. Kepel. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2002. – 454 p.
11. Lewis, B. *The Political Language of Islam* / B. Lewis. – Chicago : University of Chicago Press, 2018. – 184 p.
12. Rosenthal, E. I. J. *Political Thought in Medieval Islam* / E. I. J. Rosenthal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1962. – 323 p.
13. Roy, O. *The Failure of Political Islam* / O. Roy. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1994. – 238 p.

References

1. Vasilev, A. M. *Istoriya Vostoka* [History of the East]. Moscow: Vysshaya shkola; 1998, 495 p.
2. Gadzhiev, K. S. *Politologiya* [Political Science]. Moscow: Logos; 2015, 467 p.
3. Ignatenko, A. A. *Islam i politika* [Islam and Politics]. Moscow: Aspekt Press; 2004, 304 p.
4. Malashenko, A. V. *Islam dlya Rossii* [Islam for Russia]. Moscow: ROSSPEN; 2007, 192 p.
5. Naumkin, V. V. *Islam i musulmane* [Islam and Muslims]. Moscow: Nauka; 2009, 312 p.
6. Syukiyainen, L. R. *Musulmanskoe pravo* [Muslim Law]. Moscow: Nauka; 1986, 256 p.
7. Crone, P. *God's Rule: Government and Islam*. New York: Columbia University Press; 2004, 447 p.
8. Esposito, J. L. *Islam and Politics*. Syracuse: Syracuse University Press; 1984, 416 p.
9. Hallaq, W. B. *Shari'a: Theory, Practice, Transformations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009, 614 p.
10. Kepel, G. *Jihad: The Trail of Political Islam*. Cambridge MA: Harvard University Press; 2002, 454 p.
11. Lewis, B. *The Political Language of Islam*. Chicago: University of Chicago Press; 2018, 184 p.
12. Rosenthal, E. I. J. *Political Thought in Medieval Islam*. Cambridge: Cambridge University Press; 1962, 323 p.
13. Roy, O. *The Failure of Political Islam*. Cambridge MA: Harvard University Press; 1994, 238 p.

Информация об авторе

Мальсагов Р. А. – соискатель.

Information about the author

Malsagov R. A. – applicant.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 10.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 30.06.2026.